

ДНЕВНИК
ЖЕНИ
ВОРОБЬЁВОЙ

Женя училась в школе № 8 города Пушкин под Ленинградом - и это все сведения о ней. Никогда не издававшийся ранее дневник, вернее, его машинописная копия, был разыскан журналистами «АиФ» в Российском государственном архиве социально-политической истории, в картотеке молодёжного фонда.

...Труп повешенного, покачивающийся в дверях Александровского дворца, страницы книг, развеянных по ветру и затоптанных на аллеях, - восьмиклассница Женя, до войны каждое утро по дороге в школу читавшая пушкинские стихи на пьедестале памятника поэту, с болью описывает разрушение родных ей и Александру Сергеевичу мест... Первая запись - первая военная осень, последняя - перед Победой. Между ними - бегство в Гатчину, затем - Пушкиногорье, где был написан «Евгений Онегин» и где Женя видела и могилу своего кумира, и как немцы «на 10 подводах» вывозили из музея принадлежавшие поэту вещи, как будто «Пушкина везли на каторгу», и как погнали мужчин рубить заповедник, и как обнесли колючей проволокой «маленький дряхлый домик няни»...

Приписка в конце найденного нами текста гласила: «На этом обрывается дневник 19-летней советской девушки Жени Воробьёвой из г. Пушкин. Этот дневник нам передала сама Женя, которую мы встретили в одном из лесных поселений, где скрывались от немцев тысячи жителей из деревень Пушкинского района». Кто эти «мы» - так и осталось неизвестным...

«Аргументы и факты» обратились к читателям со своих страниц с просьбой помочь отыскать автора или его потомков. Безрезультатно. Но нам хочется верить, что Женя пережила войну, что сохранила свою любовь к поэту, которой дышит каждая строчка её дневника. Что возвратилась домой в освобождённый город и что однажды она возьмёт в руки эту книгу - и её дневник, который семь десятилетий назад приходилось прятать под полом от немецких солдат, вернётся к ней, постаревшей на целую жизнь, под толстой обложкой. Кажется, у нас есть ещё немного времени...

---

17 октября 1941 года. Страшный день, то, чего мы ждали с первого часа прихода немцев, совершилось. Нас выгоняют из города. Увижу ли я тебя, дорогой мой городок, - любимые места, Пушкинский лицей, садик с памятником молодого поэта, Екатерининский парк, где мы провели столько счастливых часов, мою школу, царскую аллею. Только сейчас я поняла, как мне дорого все это, ведь здесь я родилась, здесь жила около лицея и каждый день по дороге в школу читала на пьедестале пушкинского памятника вдохновенные строки его стихов. (...)

Как больно мне, что мы покидаем родной город в дни золотой осени. В ту пору, которую так любил Пушкин и люблю я. Когда мы с котомками проходили мимо пушкинского садика, я увидела памятник, осыпанный багряными листьями кленов. Весь месяц был так гнетущ. Невыносимо было больно видеть разрушенный немецкой бомбой Екатерининский дворец, изрытый снарядами старый парк, мостовую у школы, усыпанную страничками книг, оборванные, грязные немецкие солдаты бродили по улицам и аллеям Пушкина. Они поселились в лицее, в залах Дворца. Они таскали воду из детскосельских прудов для своих огромных рыжих битюгов. Я видела в дверях Александровского дворца повешенного немцами человека. Издали казалось, что он просто остановился на пороге, и видела под колесами немецких пушек, установленных около нашей школы, странички из пушкинских книг. Мерзавцы, что они делают с нашей страной, с нашими людьми.

Со стороны Ленинграда непрерывно доносятся канонады. Хоть бы под стенами этого великого города они сломали бы себе шею. (...)

18 октября. Нас идет туча несметная. Женщины несут детей, старики тянут тачки со скарбом. Выпал первый снег. Молча движется по грязной дороге толпа. Немцы-конвоиры идут по обочинам, так по суше с трудом добрались до Гатчины, где нас немцы загнали в холодные казармы, за колючую проволоку.

19 октября. Нас гонят на вокзал. Пишу эти строки в загаженном телячьем вагоне. При нас оттуда выгрузили коров и овец, а потом загнали туда. Под ногами навозная жижа. Негде сесть, кричат дети. А я смотрю все назад, туда, где остался Пушкин, его золотые осенние рощи, его улицы, разрушенные немцами, теми, кто гонит нас неизвестно куда.

25 октября. Снова идем пешком по грязным холодным дорогам. Иду, а в голове все звучат и звучат пушкинские строчки, написанные им в дни расставания с Царским селом, с лицеем: «Друзья мои, прекрасен

наш союз, Он как душа неразделим и вечен, непоколебим и беспечен. Срастался он под сенью дружных муз, куда бы нас не бросила судьбина и счастье куда б не повело, все те же мы: нам целый мир чужбина, отечество нам - Царское село», - как вечны его стихи, словно ко всем нам, изгнанным из Царского села - Пушкина, обращается он: «Друзья мои, прекрасен наш союз». Да, он прекрасен, и немцы не нарушат его.

22 ноября. Три недели мы шли из деревни в деревню и вот теперь три недели живем у хозяйки. Она нас кормит, а мы пилим для нее дрова. Все время вспоминаю веселую нашу жизнь в Пушкине, моих подруг по школе Симу и Тамару, где они? По каким бредут дорогам? Сегодня узнала, что немцы будут давать хлеба только по 100 грамм. (...)

15 января 1942 года. Живем как нищие, иногда вспоминаю школу, и не верится, что все это было. Самое для меня тяжелое то, что я начинаю забывать любимые мои стихи. Как-то на днях захотелось вдруг вспомнить строки, выбитые на пьедестале памятника Пушкина у лицея, - и не могла ни одного слова.

10 марта. Бредем из деревни в деревню, все, что можно было - променяли на хлеб. Большие морозы, а ночевать часто приходится в банях, и все равно. Все те же мы, нам целый мир чужбина, отечество нам Царское село.

24 марта. Я хочу запомнить навсегда, на всю жизнь этот день, еще ни разу за все время, что вокруг немцы, не чувствовала я себя так легко и радостно. Я снова с Пушкиным, вот куда бросила нас судьбина. Мы в Пушкинских горах. Только подумать, если б я знала, что мы придем сюда, мне было бы легче. Ведь и Пушкин из Царского села попал сюда, в Михайловское. Здесь он проводил свое изгнание. Здесь он писал «Евгений Онегин», здесь все дышит им, и я снова чувствую себя легко, отвлеченной, свободной, словно кошмар немецкого нашествия кончился. Здесь его могила, но я об этом не думаю. Невозможно себе представить, что существует на свете могила Пушкина.

25 марта. Нам не разрешили жить в Пушкинских горах. Когда мама вернулась из комендатуры и сказала мне об этом, мне стало страшно. Неужели же снова надо брести по дорогам из деревни в деревню. Но вечером мама снова пошла к немецкому коменданту и вернулась радостная. Нам разрешено поселиться в деревне Петровская. Это рядом с Михайловским, рядом с Пушкиным.

27 марта. Сейчас я ходила к озеру со странным названием «Кучяне».

Два с лишним года Царское Село находилось в оккупации. Фашистские солдаты превратили дворцы и павильоны в казармы и конюшни, разграбили их содержимое (на фото - Зелёная столовая Екатерининского дворца). В сентябре 1941 года фашисты расстреляли всех евреев г. Пушкин, которых обнаружили в подвалах Царскосельского лицея, где прятались от оккупантов тысячи местных жителей.

Фото РИА Новости.

На том берегу можно разглядеть дом Пушкина, белый, простой, светлый и слева, недалеко от него маленький дряхлый домик няни. На берегу немцы поставили колючую проволоку.

15 апреля. Наконец удалось побывать в Пушкинских горах. Пришла на могилу. Белый мраморный обелиск на холме. Удивительно, как этот белый прозрачный цвет связан с Пушкиным. Белый лицей, белый дом на берегу озера, белый мрамор на его могиле. Было тихо, пусто, но потом пришли немцы. Я слышала, как они грохотали сапогами в церкви Святогорского монастыря, как они что-то насвистывали. Во дворе монастыря они устроили конюшню. Я поняла, что до тех пор, пока немцы на нашей земле, в Пушкинских горах, в Пушкине, под Ленинградом - не может быть счастья и радости.

7 мая. Не пишу дневник, опасно. На днях немцы с переводчиками делали обыск в домах. Они нашли дневник у Тани, кричали, изорвали тетрадь и грозились арестовать Таню. Я долго колебалась - не уничтожить ли мои записи, ведь там такое, что не снести мне головы, если немцы увидят. Но рука не поднялась. Прячу тетрадку под пол.

6 июля. В день рождения Пушкина был праздник в Михайловском. Его устроили немецкие холуи из Пскова. Хотелось бы все забыть, но не могу. Мерзавцы, они хотят прикрыться именем Пушкина. Они хотят сделать вид, что Пушкин с ними. Какой-то хлюст в очках рассказывал о Пушкине в музее, но я его не слушала, смотрела на опустевшие комнаты. Чувствуется, что отсюда много вывезено немцами. Нет, здесь ничего не осталось от любимого моего поэта. Я чуть не разрыдалась и выбежала в парк. Прижалась лбом к окошку домика няни и сделала вид, что внимательно разглядываю маленькую светелку, где когда-то старушка рассказывала молодому Пушкину русские народные сказки.

20 сентября. Я теперь вытаскиваю дневник только для самых важных записей. Вчера мужчин нашей деревни немцы гоняли рубить Пушкинский заповедник.

7 апреля 1943 года. Немцы угоняют молодежь в Германию. Стараясь не думать, что и меня ждет эта страшная судьба. Особенно ужасно думать об этом после того, как я прочла пришедшее вчера письмо от Оли Климович. Оно написано так мелко, что цензоры, наверное, его не прочли и пропустили. Вот что пишет Оля своей матери:

«Здравствуй дорогая мамочка. Шлю тебе сердечный привет из далекой Германии. Живем в бараках, в комнате 24 девушки, кормят так:

300 грамм хлеба, 20 гр. маргарина, немного жидкого супа и несколько картошек. Мамочка, сколько вспоминаю Петровское, где я могла есть вдоволь картошку с квасом. Приходится очень много работать. Встаю в пять утра и работаю до 7 вечера. Ты меня, наверное, не узнаешь, хожу в брюках, в куртке и деревянных колодках. Сшила себе костюм из одеяла. Живем за забором, на работу водят строем с полицией. О, родная, как хочется все сказать, но немцы для нас, русских, все воспрещают, нам даже нельзя ни с кем разговаривать. Мне очень скучно без тебя, но я рада, что не вижу тебя здесь, в этой тюрьме, когда я увижу тебя, когда поцелую твои глаза, которые пролили столько слез обо мне».

Бедная Оля, немного тебе осталось писать всю правду. О них ты пишешь, ничего не боясь. Все твои письма приходят исчерченные черными полосами, только вот одно уцелело.

9 августа. Не писала всю весну и почти все лето. Немцы все злее, все угрюмее на нас смотрят. А я все слушаю, из-за озера доносится стук топоров, они продолжают вырубать Пушкинский заповедник, роют окопы в Михайловском. Приют трудов и вдохновения Пушкина немцы превращают в свой опорный пункт.

10 января 1944 года. Не могу прийти в себя. Все это время я не ходила ни в Пушкинские горы, ни в Михайловское, чтобы ничего не видеть. Но вчера немцы погнали всех девушек туда рыть окопы и я видела, как немцы везли вещи из музея Пушкина, везли на десяти подводах, под охраной солдат. Я успела разглядеть старинные кресла, диваны, книги. У меня было такое чувство, что немцы Пушкина везут в Германию, на каторгу, туда, где Оля.

15 января. Ну теперь ждать недолго. Сегодня немцы сожгли нашу Петровскую. Сколько лет стояла эта деревенька. Ведь она еще прадеду Пушкина принадлежала, и вот нет ее. Пепелище. Горят соседние деревни - это верный признак, что немцы бегут, что наши близко. Мы перебрались жить в «Песочки». Здесь немцы тоже не оставили ни одного дома. Трудно было рыть землянки, но я не чувствовала усталости. Я думала об одном - неужели они посмеют поднять руки на Михайловское, неужели они и там сожгут все. Неужели они в своей бешеной злобе осквернят могилу Пушкина.

2 марта. «Да здравствует солнце, да скроется тьма». Да здравствует моя родина, моя армия, да здравствует свобода, нет больше немцев. Дорогие герои, освободите Пушкина.